

прошагало со мной и во мне. Привычно, как ветер, солнце, изжога, страх. Или ссора с соседом по коммуналке.

Побродяга и журналист, я видел едва ли не все, что предложил мой век человечеству: войны, погромы, парады, казни, открытия памятников и низвержение их, оплевывания и возвеличивания, видел стройки, аресты, заседания, генеральских походных жен, коллективизацию, голод, начальственные забавы. Видел Брежнева, Берия, Горького, горящие танки, тюремные эшелоны, натиск и драп.

И главное — это был магистральный мотив — привычку ползать на брюхе, унаследованную со времен татарского плена.

И слышал в течение всех этих долгих лет пламенный зов к человечности. И понял — краем ума, — что никому она особенно не нужна — человечность. Что, хотя за мой век все изменилось вокруг и человек дотянулся до космоса, все равно будут войны, Каин и Авель, праведники и воры.

Семеныч сказал...

— Вот я на отдыхе. Я ничего не делаю. И если захочется что-нибудь попридумать, я гоню прочь эту пустую мысль.

В назначенный час ложусь спать. Может, это в последний раз. Может, больше уже не встану.

Слабею. Скупю вижу и слышу. Уже трудно надеть штаны, а снять их еще труднее. Задыхаюсь. Сморкнусь. Глупею. Мельчают слова и разум. Ужасно с памятью. Не помню даже того, о чем думал вчера.

Этой ночью мне было вовсе плохо. Сдавило дыхание, омертвели ноги. «Смерть!» — подумал я, похолодев. Туманно брезжила лампа, качались стены, хрипело дыхание, все стало стертым, последним — стол, одеяло, ночь. Все призрачно, на плаву — потуги встать, закричать. В башке обломки всего, что перечувствовал за долгие годы. Воспоминания неизвестно когда увязших в непонятно откуда явившихся.

Осенняя ночь. Тьма. Глухо мерцает окно. Вот уже не могу шевельнуть рукой. Мутно в глазах, Путанно в голове. Лежу. Готовлюсь. Неужели пришло? Мечется сердце. И чем яростней мечется, тем больше хочется жить. Подумать, такой старик! И так нежданно-немыслимо подошло. Конец! А хочется жить, смехота! Эх, начать бы сначала! Тут бы я дал, не дал промаха, не навалал бы вздора! Лежу. Осень. Окно. Только не шевелиться! Лежать, ни о чем не думать! Не поворачиваться! Даже не вообразил, что это так легко подойдет. Спокойней! Спокойней! Что такое — и впрямь становится легче. Вот уже, кажется, шевельнул ногой. Не всей, конечно, но все же. Могу думать. Вспомнил о давешнем споре с соседом. Согнул мизинец. О чем был с соседом спор? Вот этого я все же не помню... Нет, вспомнил и это! Могу тронуть пальцем свой нос. Вижу дышу. Окно. Дерево за окном. Осень. Дышу! Ура! Отпустило!

До завтрашней ночи.

Повторяю — это рассказ не мой, а Семеныча.

— Все изменилось за время, что я живу: империя, нравы, гимны, насмешки, мораль, правда, родители, дети. Преобразились честность и правила уличного движения, истины, способы лечения рака, климат и свалки.

Но человек в своей подлинной сути остался таким, как есть. Сколько ни подгоняли его, ни уговаривали, ни умоляли.

Это опять же сказал Семеныч. Другие говорили совсем другое. И с не меньшим успехом.

В их числе был и я.

Так кто же из нас болван? Семеныч или я и другие?

Журнал и смена. - с. 14-15